

Бахтин обращает, прежде всего, внимание на то, что художественный и духовный мир Достоевского не монистичен, а плюралистичен. Достоевский, по Бахтину, изображает «множественность самосознаний». Причем эти самосознания, то есть внутренние миры его героев, находятся в напряженном контакте друг с другом. Герои Достоевского постоянно ведут диалог друг с другом, причем даже внутренние их монологи построены диалогично, — «с оглядкой на чужой голос». В этом отличие Достоевского почти от всех русских классиков. Толстой также изображал «множественность сознаний». (Например, князь Андрей и Пьер — два главных героя в «Войне и мире»). Эти герои иногда спорят друг с другом. Но между ними не происходит постоянного диалога — фактического или потенциального, как это имеет место у Достоевского.

Говоря словами Бахтина, — «в романах Достоевского как бы слышится согласованная многоголосность, гармоническая полифония». «Не множество характеров и судеб в одном объективном мире, — продолжает советский критик, — развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь в единство авторского замысла». «Главные герои Достоевского в самом творческом замысле художника, — не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного, непосредственно значащего слова».

Романы Достоевского, по характеристике Бахтина, представляют собой «единство в разнообразии». Бахтин приводит, в конкретное подтверждение своего тезиса, красочную характеристику композиции романов писателя, данную Леонидом Гроссманом. Приведем отрывки из этой замечательной характеристики:

«Сочетать в едином художественном создании философские проповеди с уголовными приключениями, включить религиозную драму в фабулу бульварного романа, провести сквозь все эти перипетии авантюрного повествования к откровениям новой мистерии — вот какие художественные задания выступали перед Достоевским и вызывали в нем сложную творческую работу. Вот почему книга Иова, Откровение Святого Иоанна, евангельские тексты своеобразно сочетаются здесь с газетой, анекдотом, пародией, уличной сценкой, гротеском и даже памфлетом».

Сам Бахтин уподобляет, в связи с этим, духовный мир Достоевского миру творца теории относительности — Эйнштейна. Бахтин добавляет, что «Достоевский так же "перерос" монологический, обычный роман, как Эйнштейн перерос Евклидову геометрию, заменив ее множественностью систем алгебраически-геометрического отсчета».

Само время у Достоевского, по аналогии со временем Эйнштейна, — относительно. Оно то течет с томительной медленностью, то развивает бешеную скорость.

Как бы то ни было, между подходом к Достоевскому Бахтина и моим подходом в данной статье имеется одно существенное отличие. — Бахтин видит основные категории художественного мира Достоевского во «взаимодействии, сосуществовании и диалогичности». Он рассматривает композицию романов писателя, так сказать, в горизонтальном разрезе.

Я же имею в виду вертикальный разрез творчества писателя. — Меня интересуют в данной работе, главным образом, иерархические планы романов писателя. При этом термин «полифоничность», столь удачно примененный Бахтиным в деле анализа композиционного своеобразия писателя, сохраняет свою значимость и для вертикального, иерархического анализа структуры романов Достоевского.